

СОЛНЦЕ

РОССІИ

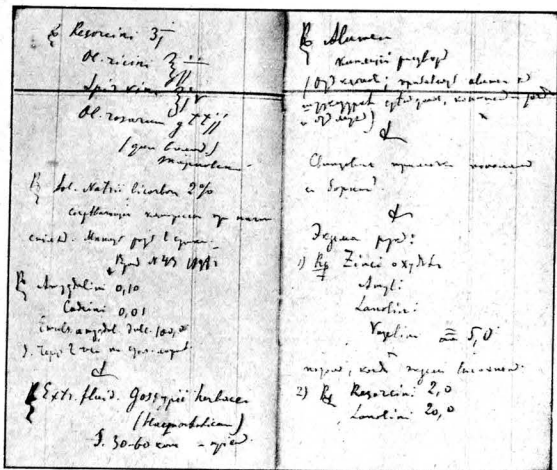
Памяти А. П. Чехова.
(1904-1914 г.)

СОЛНЦЕ РОССИИ

*Незабвенной памяти
Антон Павловича Чехова
посвящается этот номер.*

Записная книжка А. П. Чехова, в которую он записывал рецепты, выданные его пациентам.

АНТОНЪ ЧЕХОВЪ.

(Воспоминания А. Грузинскаго—Лазарева).

I.

Я познакомился съ Чеховымъ въ самомъ началѣ 1887 года. Черезъ общихъ знакомыхъ онъ прислалъ мнѣ приглашеніе въ глушь владимірской губернии побывать у него, когда я приѣду въ Москву. Одинъ изъ русскихъ писателей, рассказывавая о первой встрѣчѣ съ Чеховымъ, приблизительно въ то же время, пишетъ, что въ лицѣ Чехова онъ нашелъ много сходства съ лицомъ простаго деревенскаго парня; и это же подтвердилъ кто-то изъ его семьи. О подобныхъ субъективныхъ впечатлѣніяхъ, какъ и въ вкусахъ, не спорить. Мнѣ же лично Чеховъ показался всего болѣе похожимъ на интеллигентнаго, безконечно симпатичнаго студента, которымъ въ сущности, онъ и былъ за годъ, за два до нашей встрѣчи. Отъ этого времени сохранился замѣчательный портретъ Чехова, дающій о немъ превосходное представление. Мнѣ онъ подаренъ Чеховымъ въ апрѣлѣ 1889 года, но снятъ въ Петербургѣ у Пазетти, кажется, въ 1888 году. Лицо въ три четверти; на Чеховѣ пиджакъ, крахмальная сорочка и бѣлый галстухъ. Этотъ портретъ мнѣ всегда казался очаровательнымъ, тѣмъ смѣлымъ выраженіемъ лица, которое вообще было свойственно Чехову (кромѣ дней тяжелой болѣзни), но котораго нѣтъ, между тѣмъ, ни на одномъ изъ чеховскихъ портретовъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ публикѣ. Вѣдь, даже письма Чехова даютъ представление о немъ, какъ о смѣломъ человѣкѣ, но въ лицѣ его на портретахъ болѣе не смѣлости, а задумчивости и грусти. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ у Чехова оставалось уже не такъ много прежней необычайной жизнерадостности, о которой мнѣ рассказывали общіе знакомые, встрѣчавшіе Чехова въ годы его студенчества.

Во время пирушекъ Антоша былъ душой общества! Что онъ придумывалъ, что рассказывалъ. И мы умирали отъ смѣха. Но болѣзнь еще не подкрадывалась къ нему, и иногда ему хотѣлось дурачиться. Онъ бралъ что-нибудь въ родѣ рекламнаго прейсъ-куранта аптекарскаго магазина, становился въ позу и начиналъ намъ читать этотъ прейсъ-курантъ, выразительно, съ паосомъ, дѣлая сколькоякія или совсѣмъ нецензурныя примѣчанія къ названіямъ медикаментовъ (конечно, въ отсутствіи дамъ). Остроуміе молніями сверкало въ этихъ примѣчаніяхъ, и люди, искусившіеся въ юмористикѣ, не могли не хохотать. Однажды, такимъ же образомъ, онъ неожиданно поднялся съ кресла, взявъ какую-то тоненькую тетрадку и, стоя посреди комнаты, жестикулируя, мѣняя голоса, прочелъ намъ превосходную пьеску. Это былъ только что написанный имъ «Медвѣдь».

Читалъ онъ мастерски,—извѣстно, что въ ранней юности онъ не безъ успѣха выступалъ на сценѣ; всю пьесу онъ прочелъ свободно, не задыхаясь, не спадая съ голоса, хотя отъ публичныхъ выступленій на литературныхъ вечерахъ уклонялся и тогда, и позже, ссылаясь на слабость голоса, на быструю усталость. Отъ публичныхъ выступленій его удерживалъ безпричинный и, по его собственному признанію, глупый страхъ толпы, чувство, которое, было для него непреодо-

римо. Въ небольшихъ компаніяхъ не было человѣка общительнѣе его.

Недавно въ Москвѣ вышла брошюрка, трактующая Чехова, какъ какого-то уединеннаго человѣка и мыслителя; на самомъ дѣлѣ Чеховъ никогда не стремился уединяться; домъ его былъ вѣчно набитъ посетителями, что даже мѣшало его работѣ. Чеховъ былъ необычайно «общественный» человѣкъ.

— Давайте писать водевилъ!—говорилъ онъ мнѣ.

Позже онъ предлагалъ А. С. Суворину писать вмѣстѣ большую пьесу. Когда покойный редакторъ «Будильника» А. Д. Куренинъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ задумалъ дать въ видѣ преміи къ «Будильнику» романъ, въ родѣ «Хромоногаго Бѣса», чтобы каждая глава представляла собой законченное цѣлое и была написана однимъ изъ участниковъ совмѣстной работы надъ преміей—романомъ, Чеховъ одобрилъ идею Куренина, согласился принять участіе въ романѣ и горячо рекомендовалъ Куренину привлечь къ участію въ работѣ А. В. Амфитеатрова, меня и нѣкоторыхъ другихъ журналистовъ. Но идея совмѣстной работы почему-то не была одобрена издателемъ журнала, и романъ заглохъ. Гораздо позже идея совмѣстнаго писанія романа была осуществлена въ Россіи однимъ изъ петербургскихъ журналовъ, но изъ затѣи этой, не смотря на хорошей составъ участниковъ, получился круглый нуль.

То и дѣло Чеховъ приглашалъ къ совмѣстнымъ поѣздкамъ:

— Поѣдьте въ Финляндію!

Или:

— Я ѣду въ Петербургъ. Поѣдьте вмѣстѣ!

II.

Съ неизмѣнной и нѣжной внимательностью Чеховъ относился къ нуждамъ своихъ товарищей по газетамъ и журналамъ. Думаю, что такъ было до его послѣднихъ дней, но, съ его отъѣздомъ изъ Москвы, мнѣ приходилось встрѣчаться съ Чеховымъ не особенно часто. Во время же его пребыванія въ Москвѣ мы видались безпрестанно и почти каждый разъ приходилось слышать отъ Чехова о его хлопотахъ то за того, то за другого изъ пишущей или рисующей братіи. Это же подтверждаетъ и переписка Чехова. То онъ хлопочетъ передъ Лейкинымъ (редакторомъ «Осколковъ») за брата Александра (юмориста), то за брата Николая (художника), то отклоняетъ отъ моей головы гнѣвъ Лейкина, почему-то считавшаго меня заносчивымъ и дерзкимъ сотрудникомъ. То разсылаетъ А. С. Суворину для «Новаго Времени» «суботники» М. В. Киселевой, мои и другихъ беллетристовъ. То опять пишетъ Лейкину: «рекомендовать я вамъ поэта М. Махонькій, плюгавенькій. Жалко мнѣ его, потому и рекомендовалъ. Кушать хотеть, а денегъ нѣтъ».

Въ чихъ-то воспоминаніяхъ о Чеховѣ говорится, что «Чеховъ былъ скуповатъ...» Между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что всѣ хлопоты за коллегъ отнимали у Чехова нужное для работы время, часть его собственнаго гонорара неизмѣнно расплывалась по карманамъ нуждавшейся литературной бегемы. Мнѣ кажется, онъ физически не могъ отказать, если имѣлъ хотя малѣйшую возможность исполнить просьбу. Среди просителей попадались большіе чудаки.

Однажды онъ разсказалъ мнѣ:

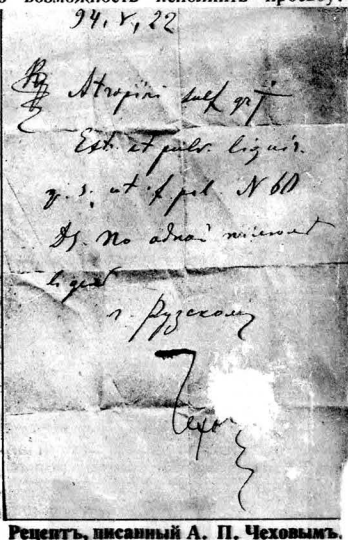
— А знаете, А. С., у меня вчера былъ...

Онъ назвалъ фамилію одного маленькаго газетнаго сотрудника.

— Пришелъ и говоритъ: «Антонъ Павловичъ, дайте мнѣ пятьдесятъ рублей...»—На что? — «На свадьбу...»—Что это вамъ такъ жениться приспичило? — «Антонъ Павловичъ, если я не женюсь, я... я подлющомъ буду!»

— Ну, и что же?

— «Я далъ ему злато и проклялъ его». Серьезно. Пришлося самому чуть не безъ гроша остаться.

Рецептъ, писанный А. П. Чеховымъ.

Я утщился его тѣмъ, что новобрачный, несомнѣнно, посвятить ему изъ чувства благодарности поэму, и Чеховъ до слезъ хохоталъ, когда черезъ три-четыре дня на свѣтъ Божій явилась эта поэма, длинная и пухлая, въ цѣлый газетный фельетонъ.

III.

Чеховъ и ранѣе скрашивалъ послѣдніе дни своихъ друзей.

Въ концѣ октября 1883 г. онъ пишетъ одному изъ братьевъ: «14-го октября умеръ мой другъ и пріятель Фёдоръ Фёдоровичъ Попудогло (Ф. Ф. Попудогло былъ сотрудникъ «Будильника» и другихъ московскихъ изданій; въ концѣ 70-хъ гг. въ «Буд.» была напечатана очень большая его комедія изъ купеческаго жизни, расхваленная А. Н. Островскимъ). «Для меня это незамѣнимая потеря. Какъ тата ночной, тайкомъ, хаживалъ я къ нему въ Кудрино, и онъ изливалъ мнѣ свою душу. Онъ симпатизировалъ мнѣ. Я зналъ вся внутренняя его. Умеръ онъ отъ воспаления твердой оболочки мозга. Лежалъ онъ у 20 врачей, и изъ всѣхъ 20 я одинъ угадалъ при жизни настоящій недугъ. Царство ему небесное, вѣчный покой. Умеръ онъ отъ алкоголя и добрыхъ пріятелей, помѣна коихъ sunt odiosa».

Когда братъ Чехова, Николай, милый художникъ, умершій отъ этихъ же причинъ, захоронилъ послѣдней смертельной болѣзней, Чеховъ съ трогательной нѣжностью ухаживалъ за нимъ. Помню, въ это же время я первый и, кажется, единственный разъ въ жизни видѣлъ вспышку Чеховскаго гнѣва. Одна изъ младшихъ членовъ семьи, вѣроятно, не сознавая опасности болѣзни художника, началъ брюзжать за обѣдомъ и говорить на то, что «по случаю разныхъ болѣзней они должны буди держаться въ Москвѣ и позже ѣхать на дачу». Чеховъ пошелъ и, повернувшись въ сторону брюзжавшаго и сказавъ резко.

— Болванъ, замолчи!

Въ первой половине восьмидесятыхъ до половины девяностыхъ годовъ Чеховъ въ одной изъ уличныхъ московскихъ газетокъ познакомился съ маленькій и плохенькій поэтъ Сергій Елифановъ, кончившій гимназію, какъ водится, чахоткой. Съ газетой, въ которой онъ работалъ болѣе 10-ти лѣтъ, Елифановъ успѣлъ разойтись, денегъ у него не было ни гроша, литературный фондъ, по всей вѣроятности, ограничилъ свою помощь двадцатипятирублевой, а, быть можетъ, въ виду сомнительности литературныхъ заслугъ Елифанова, не далъ ему ничего. Елифанову оставалось только покончить съ собой, но одинъ изъ московскихъ журналистовъ надоумилъ его обратиться къ Чехову. Не считаясь съ «литературой» Елифанова, Чеховъ, въ то время уже не жившій въ Москвѣ, отнесся съ большимъ участіемъ къ несчастному поэту, началъ выдавать ему ежемѣсячное пособіе, а весною отправилъ его въ Крымъ. Болѣзнь Елифанова была чересчуръ запущена, ни Крымъ, никто въ мірѣ уже не могъ ему помочь и, помнится, осенью Елифановъ умеръ. Участіе Чехова скрасило послѣдніе дни Елифанова, какъ и послѣдніе дни Путяты. Я узналъ объ этой исторіи случайно. Журналистъ, который направилъ Елифанова къ Чехову и черезъ котораго Чеховъ выдавалъ умиравшему поэту пособіе, ушелъ въ Москву на два мѣсяца изъ Москвы, и Чеховъ поручилъ передачу пособія мнѣ.

Помню такой случай. Какъ-то прїѣхавъ на Садовую, въ д. Каргѣева, я засталъ Чехова разстроеннымъ, хмурымъ.

— Что съ вами?

— Сейчасъ прибѣгли за мной; звали къ больному. Прихожу, а онъ уже умеръ отъ разрыва сердца. Тяжелая карьера, а вы не врачъ. Какъ вы могли такъ поступить? Я не беру отъ брата денегъ, но вотъ навязалъ десять рублей. За чѣмъ? за что?

Чеховъ досталъ десятирублевку, повернулъ и бросилъ на столъ, какъ будто она жгла ему руки. Но затѣмъ распечаталъ какое-то лежавшее на

Доска, висѣвшая на дверяхъ квартиры въ Москвѣ, гдѣ жилъ Чеховъ.

столѣ, вѣроятно, просительное письмо, прочиталъ, сунулъ въ конвертъ деньги и повеселѣлъ. Онъ нашелъ, куда пристроить эти случайно полученные, неприятныя, приводившія на память тяжелую картину, деньги.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ Чеховъ радикально измѣнилъ манеру работы. Читая переписку Чехова, можно видѣть, какъ часто онъ обманывалъ ожиданія издателей потому, что не хотѣлъ отсылать неудавшихся, требующихъ обработки, вещей. Небольшие рассказы онъ, кажется, до конца дней своихъ писалъ прямо на бѣло, но это была особая манера письма. Передъ тѣмъ, какъ перенести фразу на бумагу, онъ долго обдумывалъ ее, склонившись надъ столомъ или откинувшись на спинку кресла, и когда мысленно доводилъ фразу до возможнаго совершенства, бралъ перо и переносилъ ее на бумагу. Рассказы у него порой выходили безъ единой поправки, но это была медленная, виртуозная, мозаичная работа большого мастера.

Чеховъ неподражателенъ. Чеховъ безконечно оригиналенъ. Его манера письма вытекала изъ того, что онъ органически не мирился съ шаблономъ, не переносилъ шаблонныхъ, надобныхъ, примелькавшихся фразъ. Ихъ и нѣтъ въ многочисленныхъ томахъ работъ Чехова...

А. Грузинский-Лазаревъ

Семейство Чеховыхъ въ Мелиховѣ.